

Elite Formation and Elite Strateging in the Conditions of Deploying Global Innovations

Alexander M. Starostin

Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: amstar2912[at]mail.ru

Abstract

The article analyzes the tools of modern elitist studies, the development of which in recent decades allows us to speak about the consistent formation of the elitist paradigm in modern political science. A significant activation of the elite-administrative influence on modern global processes is represented through the mechanisms of social constructivism based on global innovations. On the one hand, the search for a new positioning of traditional and conservatively oriented elites is being detailed. On the other hand, it is the formation and reaching new frontiers of positioning of new elite groups and their communities.

The paper provides a methodological understanding of the current state of development of elitist science, identifies its most promising vectors and directions. The author proposes to take a fresh look at a number of traditional problems, to find new ways and solutions. The study contains a rethinking of the ideas already expressed by the author, taking into account the new historical context and the deployment of modern global innovations.

Keywords

Elitology; elitist paradigm; non-classical elitogenesis; conservative elites; global innovations; power innovations; interface elites; crypto-elites; new models of power order.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Элитаобразование и элитное стратегирование в условиях развертывания глобальных инноваций

Старостин Александр Михайлович

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: amstar2912[at]mail.ru

Аннотация

В статье анализируется инструментарий современных элитологических исследований, развитие которого в последние десятилетия позволяет говорить о последовательном формировании элитистской парадигмы в современной политической науке. В этих рамках репрезентируется существенная активизация элитно-управленческого воздействия на современные глобальные процессы через механизмы социального конструктивизма, опирающегося на глобальные инновации. Детализируются, с одной стороны, поиски нового позиционирования традиционных и консервативно-ориентированных элит. А, с другой, – формирование и выход на новые рубежи позиционирования новых элитных групп и их сообществ.

В работе дается методологическое осмысление современного состояния развития элитологической науки, выявляются ее наиболее перспективные векторы и направления. Автор предлагает по-новому взглянуть на целый ряд традиционных проблем, найти новые способы и пути их решения. Исследование содержит в себе переосмысление ранее уже высказанных автором идей, с учетом нового исторического контекста и развертывания современных глобальных инноваций.

Ключевые слова

Элитология; элитистская парадигма; неклассический элитогенез; консервативные элиты; глобальные инновации; властные инновации; интерфейсные элиты; криптоэлиты; новые модели властного порядка.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Концепты «элиты», «политические элиты» и соответствующее тематическое поле политологических исследований занимают видное место в отечественной политологии, позиционируясь в качестве одного из значимых направлений не только российской, но и мировой политологии, что подчеркивается в недавнем аналитическом обзоре РАПН «Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация» (Гаман-Голутвина & Патрушев, 2018, стр. 388–410).

Активную роль в становлении и развитии российской элитологии играла и играет относительно небольшая, но достаточно известная группа политологов из гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Астрахани, Ростова-на-Дону: О.В. Гаман-Голутвина, Г.К. Ашин, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, А.В. Дука, В.П. Мохов, П.Л. Карабущенко,¹ А.Е. Чирикова, Н.И. Лапина, Е.Б. Шестопал, Л.В. Сморгун, А.И. Соловьев, В.Г. Ледяев, О.В. Крыштановская, А.П. Кочетков, С.А. Кислицын, А.К. Магомедов, Д.Г. Сельцер и др. Стоит выделить среди этого круга две крупных фракции российских элитологов: Санкт-Петербургскую исследовательскую группу А.В. Дуки² и Ростовскую научную элитологическую школу под руководством А.В. Понеделкова и А.М. Старостина.³ Последняя репрезентирована в цикле защищенных в г. Ростове-на-Дону более чем 30 кандидатских и докторских диссертаций и более 500 статей, сборников и монографических работ в этой области, а также в ряде учебников и учебных пособий в этой области. К примеру, учебное пособие «Основы политической элитологии» вышло в 2014–2018 гг. в московском издательстве ЛЕНАНД уже четырьмя изданиями.

В рамках данной школы выдвинуто положение о возможности репрезентации элитистской парадигмы как одной из базовых парадигм современной политической науки (Гаман-Голутвина & Патрушев, 2018, стр. 392). Опора на инструментарий и эмпирические результаты, полученные в рамках данной парадигмы, позволили наметить пути определенной переориентации от доминирования объектоцентрических позиций в рамках социально-научной парадигмы – на субъектно-средовые, социально-экологические и социально-синергетические позиции, определяемые элитологической парадигмой, и расширить понимание идеалов и норм научного познания в контексте гуманитарных исследований, что в итоге также позволило расширить репертуар репрезентации активно-проектных элементов в развитии социума, обозначить как элементы инновационно-эмерджентного типа («креативный класс», «управленческие элиты», «экспертные сети», «социально-информационные платформы»), так и консервативно-традиционного типа (касты и кланы, традиционные элиты).

1 См. труды конгресса в Астрахани 2017 г. (Лунев & Карабущенко, 2017).

2 См. цикл монографических работ: (Дука, 2014) и другие монографические издания этой группы, начиная с 2001 г.

3 См. труды I–IV российских элитологических конгрессов 2013–2022 гг. в г. Ростове-на-Дону (Рудой, 2013; Шутов, 2016; Шутов, 2019; Рудой, 2022).

Таким образом, налицо значимое и растущее противоречие между совершенствованием властных отношений и властных функций и ценностно-когнитивным и политическим позиционированием властных элит. Иначе говоря, властно-инновационный процесс, ускоряясь и расширяясь, все более проявляет и выявляет запаздывание, и даже активное сопротивление значительной части властвующих элит.

Проанализируем данную проблему более подробно. Прежде всего, заслуживает внимания концепт «властные инновации». Его включение в теоретический анализ социально-политических процессов обусловлено, во-первых, быстрым ростом значимости социального управления в основных сферах человеческой деятельности: экономической, политической, социокультурной, социально-экологической, что обусловлено значительным ростом масштабов человеческой деятельности и переходом ее на глобальный уровень. В особенности это стало заметно во второй половине XX века, когда масштабные социально-экономические и военно-политические действия оказались сопряжены с научно-технической революцией, давшей миру и невиданные масштабные источники энергии, средства связи и транспорта, автоматизированного расчета и управления масштабными природными и социальными процессами.

На волне НТР сама наука превратилась в большую социальную систему, генерируя новые институты работы со знанием – прикладную науку, научные разработки. В итоге в развитых странах мира стали складываться национальные научно-инновационные системы и сети, быстро продвинувшись на уровень надгосударственных систем. Отражая эти процессы, социологи, экономисты, науковеды в конце XX в. – начале XXI в. выделили и обрисовали основное ядро научно-прогрессивного развития, существенно и направленно влияющее на социальное развитие – NBJCS-комплекс (нано-, био-, информационные, когнитивные, социально-гуманитарные технологии, развивающиеся на базе фундаментальных и прикладных научных исследований) (Владленова, 2011). Тем самым на всех уровнях развития была зафиксирована чрезвычайная значимость научно-инновационных процессов и продуктов, обусловленная целенаправленными научно-когнитивными детерминантами.

И, справедливости ради, следует обратить внимание на то, что целостный облик общества ближайшего будущего в данном контексте видится не столько как «информационное общество», «общество знаний», «постиндустриальное общество» и т.п., а, скорее как общество, развивающееся в системе NBJCS-комплекса. Предчувствуя в свое время наступление времени тотального онаучивания, В.И. Вернадский и Тейяр Де Шарден, ввели концепт «ноосферы». Он как раз и был призван обозначить переход к осознанному регулированию социоприродных и социальных процессов на глобальном уровне, базируясь на научной рациональности нового типа.

Ныне развитие инновационных процессов во всех сферах социума, базирующихся на научных исследованиях, расширяется и ускоряется. Правда нормативно-правовая и концептуальная интерпретация этих процессов

продолжает оставаться асимметричной, охватывающей, прежде всего, научно-технические и научно-инженерные виды деятельности. Это видно по существующим трактовкам в законодательной базе и определенной размытости в интерпретации инноваций в социогуманитарной сфере (Старостин, Денисенко & Тованцова, 2019, стр. 245–247). Скорее всего социально-гуманитарная сфера не только как бы «отстает» от научно-инженерных областей развития в плане организации исследований, но и обладает серьезной спецификой. Но, тем не менее, в последние годы появилось множество разработок в сфере «инновационной экономики и менеджмента», «инновационной политики» и «инноваций в культуре» (См.: Старостин, 2012), что и дает основание говорить, в том числе и о «властных инновациях» как продукте, технологиях политико-управленческого воздействия на разных уровнях политического управления, апробированных на разных объектах и предложенных различными научными, экспертно-мозговыми центрами крупных ТНК, межгосударственных и государственных организаций.

Мы отметили тот факт, что властные инновации – это, скорее всего, продукт второй половины XX века, когда степень развития социально-гуманитарного знания достигла достаточного уровня зрелости, чтобы его опытная, эмпирическая база позволила смоделировать достаточно точно не только ближайшие, но и среднесрочные и долгосрочные их последствия. Пожалуй, уже в первой половине XX века это стало ясно. И наиболее яркими и масштабными примерами стали социально-политическая революция в России и начало строительства социального государства. А в экономической области – это великий кризис и великая депрессия конца 1920-х – начала 1930-х годов, заставившая вести активный поиск в сфере стратегического менеджмента.

Вскоре мы сталкиваемся с фундаментальным исследованием К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1945 г.), в котором, пожалуй, впервые объемно вводится и репрезентируется концепт «социальной технологии» (Поппер, 1992). А вместе с тем дается «правильная» и «неправильная» трактовка социальной технологизации управления обществом (холистские и частичные технологии).

Обращаясь к современной социально-гуманитарной инноватике, активно опирающейся на деятельность крупных научных институтов гуманитарного профиля и «мозговых центров», отметим, что к этой сфере относятся такие виды продуктов, как социальные и гуманитарные технологии; методы и методика социального проектирования и планирования; методы и технологии социального управления и управления поведением (PR, GR, HR-технологии) и др. Касательно властных инноваций следует обратить внимание на известные разработки С. Найа в его книге «Будущая власть. Как стратегия умной силы меняет XX век» (Най, 2014), где вводятся концепты «твердой силы», «мягкой силы» и их сочетание – «умной силы».

Весьма важное значение приобрели также методы социально-технологического манипулирования в политике, принадлежащие Д. Шарпу (Шарп, 2012), в

настоящее время получившие развитие на базе социально-информационных платформ.

Важным направлением действия властных инноваций выступает их использование властвующими элитами (можно также говорить и об их задействовании в действиях контрэлит). Причем, элитами рамочной идейно-мотивационной ориентированности: не только прогрессистскими, устремленными замыслами в будущее, но и консервативными. Подчеркнем особенности использования инноваций консервативными элитами. Кажется, что это сочетание противоестественно – инновации и консерватизм. Однако это противоречие кажущееся. Ибо инновации как область прикладных исследований и разработок, в отличие от фундаментальной науки, изначально несут в себе ценностно-целевую нагруженность или социальный заказ определенной направленности. Она в свою очередь зависит от проблем и задач социального управления, стоящих перед субъектом управления. В частности, такая «озадаченность» может определять, например, разделение социально-гуманитарных инноваций на «белые», «серые», «черные» (Старостин, 2018, стр. 325–326). Они могут явно содействовать прогрессивным изменениям и, напротив, «замораживать», тормозить ход социальной эволюции.

Соответственно и консерватизм властвующих элит с нашей точки зрения может проявляться в таких ипостасях, как: а) фундаментально-ценностная характеристика субъектности элит, направленная на поддержание «устоявшихся», общезначимых, «опорных» социальных тенденций и проявлений или б) характеристика социально-ролевого властного позиционирования, берущая за основу задачи удержания власти, властных рычагов и инструментов воздействия, опирающихся прежде всего на манипулятивные и репрессивные воздействия.

В деятельности современных политических элит мы встречаем и то, и другое. В государствах с длительной демократической эволюцией и сложившейся демократической культурой всегда есть предложения «на трон» как со стороны консервативных, так и либеральных кругов (кланов), формирующих консервативные властвующие элиты. Но в современном динамичном обществе традиционный укорененный консерватизм требует модернизации, нового властно-технологического оснащения. Поэтому приходится вести научно-инновационный поиск именно в этом направлении, развивая и определенные сегменты демократической культуры.

Молодые демократические режимы с неустоявшейся политической культурой чаще стараются опираться на инновационно-манипулятивный инструментарий политического управления. Они-то по преимуществу и создают образ маргинально-консервативных элит, которые-то собственно не являются ни консервативными, ни либеральными. Именно такой облик сформировался в последние три десятилетия на постсоветском и восточно-европейском политическом пространстве.

Что касается современной России, то ее властвующие элиты за постсоветский период серьезно обновились, но так и не вышли из маргинальной полосы ныне социально-ролевого консерватизма (Старостин, Понеделков & Швец, 2016). Эта система позиционирования стремительно закрепились буквально за первое постсоветское десятилетие. Но она не генерировала широко востребованных ценностно-целевых установок и ценностей, ограничившись локальной приватизацией общей собственности и политической власти. Пока не создана устойчивая система массовой мотивации на поддержку новых «демократических» элитных кругов.

Ведущим мотивом массового слоя и гражданского общества остается установка на социальную справедливость, социальную ответственность, устойчивый баланс интересов базовых социальных слоев и групп, значимую социальную динамику, которая была ориентирована на системную (экономическую, политическую, социальную, культурную) демократию. Попыткой изменить сложившееся положение выступает новая редакция Конституции РФ. Но это пока еще во многом декларативное предложение. Реального образа нового российского общества и его перспектив развития пока нет.

Что касается анализа динамичных изменений в современном социуме, то следует зафиксировать, во-первых, значимую взаимозависимость активной, авангардной его части и более инертной его части и, во-вторых, усиление активно-проектного воздействия авангардной и элитной его части на эволюцию массовых слоев, что позволяет говорить о продолжающемся процессе социальной цефализации (усиление влияния целенаправленного регулирования и управления) и проявлении симптомов ноосферизации. Иначе, говоря о переходе к более высоким и сложным уровням субъектного воздействия (прежде всего за счет деятельности новых генераций элит) на всех уровнях организации и институализации социума: глобальном, национально-государственном, локально-территориальном, что в итоге усложняет и методологические подходы к пониманию новых этапов социальной эволюции, постепенно смещая акценты с классических объект-объектных (на уровне социума) и субъект-объектных схем детерминации – к субъект-(объект-объектным) и субъект- (субъект-объектным) нелинейным подходам (Альбеков, Старостин & Ильин и др. 2018, стр. 13–14), в том числе применимых в рамках элитологической парадигмы и новых ее неклассических форматов.

Вместе с тем следует обозначить и подчеркнуть ряд проблем, рисков, трудностей и даже «границ роста» в этих взаимосвязанных (элиты – массовый слой) и внутриэлитных интеракциях. Укажем на наиболее значимые из них, обозначившие траекторию становления неклассического элитогенеза.

1. В свое время Э. Тоффлером был обозначен и описан парадокс «шока от будущего»: нарастающее «набегание» будущей социальной реальности на все более отстающие от нее реалии настоящего, сдвиг от межпоколенческих к внутрипоколенческим изменениям. Как говорил сам Э. Тоффлер, данноесоциумоположение уже не может соразмерно быть отражено в жанре утопии

(оптимистичного прогноза и взгляда на грядущие изменения) и антиутопии (пессимистичный взгляд). Зазор, разбег между настоящим и грядущим становится все меньшим и, практически, исчезает. Поэтому рождается жанр проктопии, рамки которой все более востребуют так называемую футурологическую социализацию: формирование умений и компетенций для жизни одновременно в двух, а то и трех мирах – настоящем, близкофутурологическом и отдаленнофутурологическом, что не заложено в антропологические механизмы, связанные с поколенческими и межпоколенческими ритмами и циклами, и что требует определенной поддержки неантропологическими механизмами и инструментами. В особенности это касается авангардно-управленческой и элитной части социума. В традиционном, индустриальном и раннепостиндустриальном обществе сформировался запрос на смену элит в относительно разряженном межпоколенческом пространстве. Обычно говорят об элитогенезе в рамках смены, как минимум 3-4 поколений. Ко времени «шока от будущего» таких временных зазоров более не дано. Техничко-технологическая эволюция востребует 3-4 смены уже в рамках одного поколения. И расчеты показывают, что кривая скорости эволюции цивилизации в районе 2045 года устремится к бесконечности (Дубровский Д.И. (ред.), 2013). Необходимо подключение социальной группы, претендующей на элитные позиции, к некоему интерфейсу, сопровождающему ее и обеспечивающему регулятивные воздействия в описанных глобально-неравновесных и переходно-критических состояниях социума и, соответственно, новая концепция и технологии формирования таких интерфейсных элит (Гиренок, 2021). На данный момент видится, что ускорение элитогенеза в условиях симбиоза антропологических, социокультурных и технико-технологических кодов и перехода к человеко-компьютерным системам ведут к имитации элитного позиционирования и его трансформации в какие-то не антропологические и постгуманистические формы.

2. Другое противоречие генерируется расщеплением социально-структурных и социально-ролевых (представительских, исполнительских, пенальтируемых) характеристик элит и элитных групп. Им соответствует композитная (составная) элитная идентичность и конституэнтная элитность. Иногда таких элитных представителей обозначают «и.о. элита». Иначе говоря, это некая скользящая элитность: группы лиц, занимающих элитные позиции и уполномоченные менять их в разных функциональных управленческих позициях, способные принимать тактические, распорядительно-управленческие решения, но не стратегические. Нечто похожее можно было наблюдать со второй половины XX в. в бизнесе, когда целый ряд представительских и распорядительно-управленческих функций был делегирован топ-менеджерам, что получило название «революции менеджеров» и способствовало ускорению развития менеджмента за счет своеобразного управленческого разделения труда. Позже это повторилось в политике, когда сформировалась модель политического менеджмента.

Ныне данная двух-трехуровневая модель элитности получила как бы универсальное распространение. Но вместе с ней в деятельность элит были привнесены и определенная дифференциация и ограничения, связанные со стратегией и тактикой управленческих действий и властными решениями.

3. Третье противоречие связано со вторым и как бы продолжает его в рамках публичных и непубличных действий. В последние десятилетия рубежа XX и XXI столетия усилились процессы глобализации, обусловленные быстрым ростом транснациональных компаний и транснационального капитала, что привело к анонимизации политических и бизнес-элит, чьи интересы начали заметно расходиться с определенными национально-государственными интересами, но накладывались на интересы союзов государств и групп государств, порой конкурирующих и даже враждебных друг другу. Сформировались и самостоятельные, независимые от государств или крупных национальных компаний сферы интересов. Вот здесь-то и стало важным скрыть или загерметизировать представительские и стратегические позиции реальных элитных групп. Начались поиски мирового правительства, «глубинного государства» и, соответственно, «глубинных элит» (Тованчова & Старостин, 2020). Точное знание об их наличии и конкретной идентификации стало недоступным не только общественному мнению, но и экспертным центрам и даже специальным службам.

4. Об этой фракции глобальных и национальных элит следует сказать особо, ибо, как и в случае расщепления функций по обладанию и обслуживанию власти и богатства в ведущих странах мира опережающими темпами, в особенности со второй половины 50-х гг. XX в. развивались спецслужбы. Вначале они обслуживали интересы доминирующих политических и бизнес-элит в рамках тайных, засекреченных операций в сфере межгосударственных отношений, ведению разведки на территориях государств-конкурентов и на собственной, поддерживали крупные акты по подрыву государственной власти в странах-противниках. А потом «хвост» все чаще стал вилять «собакой», осуществляя акции по смене лидеров и элитных групп на тех, кто оказывался выгоднее элитному слою или группе в спецслужбах. Они входили в число ведущих политических и экономических акционеров, а затем стали выстраивать и свои интернациональные и тайные закрытые элитные альянсы, прибирая к рукам власть и собственность в глобальных и национальных масштабах. Весьма определенно об этом написал уже в конце 1990-х – начале нулевых наш известный политолог А.С. Панарин. «По некоторым данным, глобалисты из спецслужб получили в результате приватизации 1992 года около 65% всей бывшей государственной собственности» (Панарин, 2000, стр. 45). О скрытом альянсе элитных политиков, олигархов и руководителей спецслужб давно пишет известный историк А.И. Фурсов, представитель новой сферы знаний – криптоаналитики – И.И. Смирнов и ряд других исследователей, подчеркивающих быстро нарастающее влияние относительно новой элитной фракции – криптоэлит.

Криптоаналитический анализ показывает, что «именно в период с 1965 по 1975 гг. произошли события, в значительной степени обусловившие лицо современного мира. Во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов сформировались многие нынешние тенденции, однако ключевая точка, или, как теперь принято говорить, точка полифуркации, достигнута не была. Она пришлась на период с 1979 по 1993 гг.» (Смирнов, 2020, стр. 473). Новая миссия глобальных криптоэлит выросла из функции спецслужб, направленной на налаживание закрытых каналов взаимодействия национальных элит по обеспечению проблем безопасности и предотвращению смертоносных межгосударственных конфликтов в условиях «границ роста войны». Впоследствии эта функция позволила оформить самодостаточное позиционирование криптоэлит и выход на публичные властные позиции их представителей, прежде всего в США, СССР и постсоветской России.

5. Похожий процесс набирает силу и темпы в области сферы информационных коммуникаций. Здесь элитная группа владельцев и менеджеров СМИ, компьютерных компаний и владельцев инфраструктуры, обслуживающей Интернет и другие электронные коммуникации, все более отчетливо занимает позиции глобального регулятора политических и экономических процессов и событий. Функции по обеспечению взаимодействия реальных элит с виртуальной реальностью обособились в самодостаточную сферу информационной и информационно-постановочной платформы и, соответственно сформировался капитал информационно-виртуальных платформ, сопоставимый с возможностями капитала реальной экономики и финансовым капиталом.

Элиты сферы виртуальных интеракций ныне вполне конкурентоспособны по своим управленческим возможностям с элитами власти и богатства (бизнеса).

6. Нельзя не отметить, что новые волны глобализации и государствообразования генерировали не только «пучок» глобальных инноваций, но и сопутствующие им социально-массовые движения и репрезентирующие их соответствующие протоэлитные группы (Старостин, 2021). Их возникновение обусловлено как неоднократным переформатированием межгосударственных и глобальных отношений, проявившихся в процессе развертывания и смены нескольких волн государствообразования и двух волн глобализации после окончания Второй мировой войны.

В «пучок» таких социальных взрывов глобального масштаба можно отнести, по меньшей мере, 7 масштабных процессов-катаклизмов: 1) социально-демографический «взрыв», проявившийся практически на всех континентах и обусловивший в течение 3-4 десятилетий резкое омоложение во многих десятках развивающихся государств и резкое снижение медианного возраста населения до уровня менее 25 лет. Между тем ряд исследований показал, что при таких возрастных характеристиках вероятность социальной нестабильности и вхождения в предреволюционную фазу резко возрастает и в 9 из 10 подобных стран случаются массовые бунты, революции и госперевос-

роты. Естественно, что «восстание масс» по социально-демографическим показателям обеспечивает выдвижение новых элит, по-преимуществу молодежных. Кстати говоря, в России 1917 года медианный возраст составлял как раз 25 лет, а в современной – около 40 лет; 2) миграционный «взрыв», обусловленный как избыточным ростом демографических факторов, так и недостаточной социально-экономической развитостью, слабостью «среднего класса», обуславливающего развитие стабилизирующего социального и политического контекста; 3) гендерный «взрыв», предпосылки которого были заложены прежде всего в крупнейших экономических кризисах и войнах XX столетия, потребовавших и женское массовое экономическое, и политическое участие с выдвижением нового типа лидеров и элитных групп в ожидаемых и в неожиданных форматах; 4) расово-этнический «взрыв», обусловленный и государствообразованием, и обострением поисков новой идентичности, и генерирующий новые политические элиты и ускоряющий локально-цивилизационные процессы; 5) политико-террористический и политико-экстремистский «взрыв», будирующий поиск новой социально-религиозной и политической идентичности и поддерживающей эти процессы новой волны государствообразования или приобретающей квазигосударственные формы; 6) «цветные революции», зачастую пересекающиеся с рядом уже обозначенных взрывных фокусов и направляющие массовые поиски в русло новой государственности, берущей за ценностно-идеологическую основу образцы некоторых субкультур, адаптированных к интересам «революционных» масс; 7) социально-сетевой, опирающийся на виртуальную субкультуру, опирающуюся также на определенные локальные модели и образцы.

Перечисленные элементы социально-массовых новых движений генерирует, безусловно, как и исходные, известные образцы «восстания масс» и протоэлитные образования, группы, берущие за основу механизмы реализации «исторического нетерпения», форсированного формирования элитных групп, урезая весь пакет механизмов элитогенеза до минимального состава (например, ограничиваясь социально-иерархическим позиционированием). Как говорил в свое время В.И. Ленин, полемизируя с Сухановым, Плехановым и рядом других социал-демократов, сетующих на неготовность России к решению многих задач социально-экономического и культурного развития, – а кто нам мешает устранить форсированно эту недостаточность, опираясь на механизмы захваченной государственной власти и опираясь на диктатуру пролетариата (читай: «гендерную, молодежную, теократическую, националистическую, социально-сетевую и иную диктатуру»).

Обозначенные элитные типы, большинство из которых следует отнести к новой неклассической элитности, появились в ходе крупнейшего мега социального метафоризма, охватившего и процессы национально-государственного, и локально-цивилизационного, и глобального уровня. Они, несомненно, требуют на каждом своем уровне и философско-мировоззренческого, и методологического осмысления, о чем весьма убедительно написали основатели

«Римского клуба» в своем юбилейном докладе 2018 г. (von Weizsaecker & Wijkman, 2018).

На что следует обратить внимание в первую очередь? Начался интенсивный процесс, затрагивающий все уровни элитного сообщества, поиска новых властно-институциональных порядков. Ключевым концептом здесь выступает именно концепт «порядок»: мировой, локально-цивилизационный, национально-государственный. Что имеется в виду?

Относительно глобального уровня он характерен нарастающим процессом рассогласования между основными его секторами: экономическим, политическим, социально-экологическим. Постепенным переходом от двухполюсной модели глобализации – к однополюсной (90-е гг. XX в.), а затем – началом формирования многополярной модели (начало нулевых – настоящее время). В итоге обозначились новые форматы глобальной неустойчивости. Наблюдая, например, глобально-политический сектор, известный политик и политический

теоретик

Г. Киссинджер обозначил в качестве балансирующей роли и миссии мирового порядка Вестфальскую систему договоренностей, сформированную еще в XVII веке в Европе, основанную на конструкте «государственный суверенитет», продолжающую действовать по сей день. Она подкорректирована в XX веке Версальскими и Ялтинско-Потсдамскими договоренностями и определяет современный мировой порядок (Киссинджер, 2021, стр. 11-22), основываясь на институте ООН и связанных с ней международных организациях и договоренностях.

Однако, благодаря появлению новых неклассических элит, о которых речь шла выше, этот порядок стал давать существенные сбои. И что делать далее, когда мир вышел на уровень глобальных границ существования, когда развитие «мирового порядка» лишь временно может быть приторможено действием регулятив «устойчивого порядка» и «устойчивого развития»?

Г. Киссинджер полагает, что «в этот момент истории и произойдет модернизация Вестфальской системы за счет наполнения ее современными реалиями» (Киссинджер, 2021). Но так ли это? И есть ли другие ответы? Думается, что пока не затронут важнейший аспект – «субъект порядка». А им выступают новые неклассические элиты и их глобальные интересы (Чумаков, 2018, стр. 309-319). Нужны и новые модели не только институционального (Норт, Уоллис & Вайнгаст, 2011, стр. 56-61, 426-439), но и деятельностного порядка. Определенной точкой отсчета здесь может послужить глобально-ролевой подход (Старостин, 2020а, стр. 416-422).

Поиск новых форматов мирового порядка не исключает и выводит на новый уровень взаимоотношений с порядками национально-государственного уровня. Здесь, с одной стороны, обозначился выход на принцип глобальной субсидиарности (в особенности в контексте экономических и военно-политических партнерских альянсов государств). А с другой, продолжающийся интен-

сивно процесс государство образования предъявляет новые требования к принципу государственного суверенитета (Лобова & Тованчова, 2021).

Поэтому нарастает потребность в поиске не только моделей мирового порядка, но и новых моделей государственности, ориентированных не столько на абсолют государственного суверенитета и монополию государственного насилия, сколько на монополию в области поддержания стабильности государственной системы, обеспечения личной и социальной безопасности; создания условий для личностной и групповой реализации, создания оптимальных условий устойчивого развития социума и государства. Такую модель можно назвать ордерной. Она дополняет и, возможно, идет на смену двум другим базовым моделям государства: административно-бюрократической и политико-менджеральной (Старостин, 2020б).

Не претендуя на исчерпывающее определение, отметим: ордерная модель – это своеобразная «машина» организации нового социально-политического порядка в полицентричном мире, гарантирующая личностную и социальную безопасность и защищенность; массово значимый пакет мер по обеспечению социальной справедливости (антинеравенство); паритетное взаимодействие с властью и диалог с нею и различные возможности личностной и социальной самореализации.

Список литературы

- Weizsaecker, E. V. & Wijkman A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer.
- Альбеков А. У., Старостин А. М., & Ильин И. В. др. (2018). Философия образования в глобальном и национальном измерении (с. 311). РГЭУ (РИНХ).
- Владленова И. В. (2011). Будущее науки: Формирование NBIC-конвергентной парадигмы. Будущее фундаментальной науки.
- Гаман-Голутвина, О. В. & Патрушев С. В. (2018). Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: Традиция, рецепция и новация. Изд-во РОССПЭН.
- Гиренок Ф. И. (2021). Введение в сингулярную философию. «Проспект».
- Д. Шарп. (2012). От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. Новое изд-во.
- Джозеф, Н. С. (2014). Будущее власти. АСТ.
- Дубровский Д. И. (2013). Глобальное будущее 2045: Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. В Науч. Совет Стратегического общественного движения «Россия 2045» (с. 271). Изд-во МБА.
- Дука А. В. (2014). Власть и элиты: Т. Т. 1-5. СПб. doi: 10.31119/pe.2017.4.8
- Киссинджер, Г. (2021). Мировой порядок. Изд. АСТ.
- Лобова Л. А. & Тованчова Е. Н. (2021). Государствообразующие процессы в условиях современной волны глобализации. Ученые записки, 1. С, 204–208. doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-204-208

- Лунев А.П. & Карабущенко П.Л. (2017). Элиты и лидеры: Стратегии формирования в современном университете. Материалы международного конгресса. Издательский дом «Астраханский университет».
- Норт Д., Уоллис Д., & Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Изд-во Института Гайдара.
- Панарин А.С. (2000). Искушение глобализмом. Русский национальный фонд.
- Понеделков А.В. & Старостин А.М. (1998). Введение в политическую элитологию.
- Поппер, К. (1992). Открытое общество и его враги: Т. 1-2.
- Рудой В.В. (2013). Элитология России: Современное состояние и перспективы развития: Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием: Т.1. Изд-во ЮРИФ РАНХиГС.
- Рудой В.В. (2022). Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: Новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества (А.В.Понеделков гр. & А. Ю. Голобородько/, Ред.) с. 512. Изд-во ЮРИУРАНХиГС.
- Смирнов И.И. (2020). Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. Изд-во КМК.
- Старостин А.М. (2012). Философия социально-гуманитарных инноваций в контексте философской прагматики. Дониздат.
- Старостин А.М. (2018). Исследовательская философия. Изд-во РГЭУ (РИНХ).
- Старостин А.М. (2020а). Будущее России и мира: Глобально-ролевой подход—Возможные сценарии будущего России и мира: Междисциплинарный дискурс. doi: 10.46865/978-5-901640-34-0-2020-416-422
- Старостин А.М. (2020b). Контуры политического управления в условиях нового российского конституционного порядка: Национальный и глобальный аспекты. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 1, 143-147.
- Старостин А.М. (2021). Глобальные инновации как предпосылки продвижения к новой социальной реальности. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 11, 143-147.
- Старостин А.М., Денисенко И.Ф., & Тованцова Е.Н. (2019). SOFT-power и sharp-power: Новые технологии влияния в процессе современной глобализации. Управление Государственное, Муниципальное и Корпоративное: Теория и Лучшие Практики.
- Старостин А.М., Понеделков А.В., & Швец Л.Г. (2016). Феномен маргинализации в современном российском элитогенезе. Власть, 24(1).
- Тованцова Е.Н. & Старостин А.М. (2020). Транспарентность и герметичность в современном политическом управлении: Риски, балансы во взаимодействии и условия реализации. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 7, 143-146.
- Чумаков А.Н. (2018). Глобальный мир: Столкновение интересов. Изд-во «Проспект».
- Шутов А.Ю. (2016). Элитология и стратегии развития современной России. Второй всероссийский элитологический конгресс с международным участием: Т.1. Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Шутов А.Ю. (2019). Российская элитология: Инновационные ответы на вызовы современного мира: Т.1 (с. 480). Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.

References

- Albekov A. U., Starostin A. M., & Ilyin I. V. (2018). Philosophy of education in the global and national dimension: Monograph (p. 311). RGEU (RINH). (In Russian).
- Chumakov A.N. (2018). Global world: Clash of interests. Publishing house «Prospect». (In Russian).
- Dubrovsky D.I (Ред.). (2013). Global Future 2045: Convergent technologies (NBICS) and transhumanist evolution / . B Nauch. Council of the Strategic Public Movement «Russia 2045» (p. 271). MBA Publishing House. (In Russian).
- Duka A.V. (2014). Power and elites: V. 1-5. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O. V. & Patrushev S.V (Ed.). (2018). Trends and problems of the development of Russian political science in the global context: Tradition, reception and innovation (p. 477). ROSSPEN Publishing House. (In Russian).
- Girenok F.I. (2021). Introduction to singular philosophy. Prospect. (In Russian).
- Joseph, N. S. (2014). The future of power. AST. (In Russian).
- Kissinger, G. (2021). World order. Ed. AST. (In Russian).
- Lobova L.A., & Tovanchova E. N. (2021). State-forming processes in the conditions of the modern wave of globalization. Scientific notes, 1, 204–208. doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-204-208 (In Russian).
- Lunev A.P. & Karabuschenko P.L. (2017). Elites and Leaders: Formation Strategies in the Modern University. Materials of the international congress (p. 364). Astrakhan University Publishing House. (In Russian).
- North D., Wallis D., & Weingast B. (2011). Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of mankind. Publishing House of Gaidar Institute. (In Russian).
- Panarin A.S. (2000). The Temptation of Globalism. Russian National Fund. (In Russian).
- Ponedelkov A.V. & Starostin A.M. (1998). Introduction to political elitology. Rostov n/a. (In Russian).
- Popper, K. (1992). The Open Society and Its Enemies: V. 1-2. (In Russian).
- Rudoy V.V. (2013). Russian elitology: Current state and development prospects: Materials of the First All-Russian elitological congress with international participation (V. 1, p. 928). Publishing House of the RANEPa Jurif. (In Russian).
- Rudoy V.V. (2022). Power and elite in the era of digital transformation: New challenges and threats, trajectories of socio-political development of modern society (ed. by Rostov-on-Don, V. V. A. V. Ponedelkov, & Ay. Goloborodko, Ed.) p. 512. Publishing house of YURIURANHIGS. (In Russian).
- Sharp, D. (2012). From Dictatorship to Democracy: Strategy and Tactics for Liberation. Newpublishinghouse. (In Russian).
- Shutov A.Yu. (2016). Elitology and development strategies of modern Russia. The Second All-Russian Elite Congress with International Participation (V. 1, p. 928). Publishing house of YURIU RANEPa. (In Russian).
- Shutov A.Yu. (2019). Russian elitology: Innovative responses to the challenges of the modern world: Materials of the Third All-Russian Elite Congress with international participation February 15-16, 2019, Rostov-on-Don: T. V (A.V. Ponedelkov et al. Ed.-ed. by: O.V. Lokota, Ed.; Issue 1, p. 480). Publishing house of YURIU RANEPa. (In Russian).

- Smirnov I.I. (2020). Paths of history. Cryptanalyst of deep power. KMK Publishing House. (In Russian).
- Starostin A.M. (2012). Philosophy of social and humanitarian innovations in the context of philosophical pragmatics. Donizdat. (In Russian).
- Starostin A.M. (2018). Research Philosophy. Publishing House of the Russian State Economic University (RINH). (In Russian).
- Starostin A.M. (2020a). Outlines of political governance in the context of the new Russian constitutional order: National and global aspects. Science and Education: Economy and Economy; Entrepreneurship; Law and Man-Agement, 1, 143–147. (In Russian).
- Starostin A.M. (2020b). The future of Russia and the world: A global role approach—Possible scenarios for the future of Russia and the world: An interdisciplinary discourse. M. doi: 10.46865/978-5-901640-34-0-2020-416-422 (In Russian).
- Starostin A.M. (2021). Global innovations as prerequisites for moving towards a new social reality. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management, 11, 143–147. (In Russian).
- Starostin A.M., Denisenko I.F., & Tovanchova E.N. (2019). SOFT-power and sharp-power: New technologies of influence in the process of modern globalization. State, Municipal and Corporate Governance: Theory and Best Practices. (In Russian).
- Starostin A.M., Ponedelkov A.V., & Shvets L.G. (2016). The phenomenon of marginalization in modern Russian elitogenesis. Power. V, 24(1). (In Russian).
- Tovanchova E.N., & Starostin A. M. (2020). Transparency and integrity in modern political management: Risks, balances in interaction and conditions for implementation. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management, 7, 143–146. (In Russian).
- Vladlenova I.V. (2011). The Future of Science: Shaping the NBJC Convergent Paradigm. The Future of Basic Science. (In Russian).
- Weizsaecker, E. V. & Wijkman A. (2018). Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer.